

Юлия Бедаш

ГЕТЕРОТОПОЛОГИЯ КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Как известно, одержимостью девятнадцатого века была история... Нынешняя эпоха скорее является эпохой пространства. Мы живём в эпоху одновременности, соприкосновения, близости и удаленности ... в эпоху рассеянности.

Мишель Фуко

Об иных пространствах

Как ни странно, одной из наиболее влиятельных и значимых для современных исследований пространства стала концепция Мишеля Фуко (1926–1984). Странным это утверждение может показаться по той причине, что у Фуко, в отличие, например, от другого влиятельного теоретика пространства XX в. Анри Лефевра¹, мы находим – за исключением нескольких интервью и выступлений на радио – лишь один текст, посвящённый непосредственно этой теме. Речь идёт об опубликованном вскоре после смерти автора тексте доклада «Об иных пространствах», который он прочёл 14 марта 1967 г. для «Группы по исследованию архитектуры» («Cercle d'études architecturales»)², возглавляемой тогда ведущими французскими архитекторами Жаном Дюбюиссоном (Jean Dubuisson) и Ионелем Шейном (Ionel Schein). И. Шейн, услышав 7 декабря 1966 г. по радио выступление Фуко о «гетеротопиях»³, пригласил

¹ Lefebvre, H. *The Production of Space* / H. Lefebvre. Oxford, Cambridge: Blackwell, 1991.

² Этот доклад опубликован лишь в 1984 г.: Foucault, M. *Des espaces autres* / M. Foucault // *Architecture, mouvement, continuité*. 1984. № 5 (octobre). P. 46–49.

³ Гетеротопия (древнегреч.) – «иное пространство». Впервые этот термин М. Фуко употребляет в работе *Слова и вещи: археология гуманитарных наук* (1966), заимствуя его из медицины, где он означает смещение какой-либо части тела относительно нормального положения. Подробнее о генезисе этого понятия см.: Sohn, H. *Heterotopia: anamnesis of a medical term* / H. Sohn // M. Dehaene, L. de Caeter (eds.) *Heterotopia and the city: public space in a postcivil society*. New York,

его с докладом на семинар для архитекторов. Именно после этого выступления концепт «гетеротопии» получил постоянную прописку в исследованиях пространства.

Этот текст, часто игнорируемый многими специалистами по философии М. Фуко, тем не менее, играет немаловажную роль в процессе трансформации современных социальных и гуманитарных исследований (от истории до социальной географии), процессе, всё чаще сегодня называемом «пространственным поворотом»⁴. Представленный в работе *Об иных пространствах* анализ придаёт новое «звучание» и широко известным работам Фуко, таким как *Рождение клиники* (1963), *Слова и вещи* (1966), *Надзирать и наказывать* (1975) и др., в которых ключевое значение играет анализ пространственного измерения социальной жизни. Пространство перформативно: его невозможно исследовать в отрыве от того, кто его обживает и познаёт, в отрыве от действующего.

В настоящей статье для нас особый интерес представляет то, как исследование пространства и социально-пространственных отношений Мишеля Фуко трансформировало современное философское мышление в аспекте его практизации, сделав пространство более ситуированным и социально-критичным.

1.

Фуко начинает заниматься проблематикой пространства практически одновременно с Лефевром – с середины 1960-х гг. И хотя в отличие от Лефевра он никогда не пытался придать своей концепции черты единой теории, есть основания полагать, что «критическое понимание пространственности находилось в центре всех его работ»⁵. В интервью 1974 г. французским географам Фуко говорит:

«Меня часто упрекают в этой одержимости пространством, что и в самом деле является для меня одержимостью. Однако я считаю, что

London: Routledge, 2008. P. 41–50.

⁴ См.: *Spatial Turn. Das Raumparadigma in den Kultur- und Sozialwissenschaften* / J. Döring, T. Thielmann (Hgs.). Bielefeld: Transcript Verlag, 2008; Warf, B. *The Spatial Turn: Interdisciplinary Perspectives* / B. Warf, S. Arias. London, New York: Routledge, 2009.

⁵ Soja, E. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places* / E. Soja. Cambridge, MA: Blackwell, 1996. P. 147–148.

благодаря ей я действительно пришёл к тому, что искал: к отношениям, которые возможны между властью и знанием»⁶.

Таким образом, связь между властью и знанием невозможно, по Фуко, рассматривать без обращения к третьему термину – пространству. Это уточнение существенно корректирует распространённое представление о том, что тема пространства находилась на периферии его исследовательских интересов. О своём интересе к пространству Фуко говорит и в знаменитом интервью американскому антропологу Полу Рабиноу:

«Пространство является фундаментальным в любой из форм совместной жизни ... в любом проявлении власти»⁷.

За топографический анализ власти (не как некоего свойства или сущности, «принадлежащей» какому-либо индивидууму или классу, а как особым образом организованных социально-пространственных отношений) Жиль Делёз называет Фуко «новым картографом»: действенность власти зависит не от присвоения, а от расположения⁸. Власть, как и пространство, является реляционным образованием и поэтому не может быть сведена к какой-то одной (абсолютной и статичной) модели. Фуко, как замечает Клод Раффестин, заменяет философию объекта философией отношений⁹.

Подчёркивая гетерогенность пространства и власти¹⁰, Фуко тем самым указывает на невозможность анализировать их в отрыве от конкретных социальных практик, вне тех контекстов и отношений, которые формируются в отдельных исторических местах. Так, наследуя знаменитому французскому историку Фердинанду Броделю¹¹, Фуко вновь поднимает проблему связи времени и простран-

⁶ Цит. по: Soja, op. cit., p. 148.

⁷ Там же, p. 149.

⁸ Делёз, Ж. *Фуко / Ж. Делёз*; перев. Е.В. Семёновой. М.: Изд-во гуманитар. литер., 1998. С. 46.

⁹ Raffestin, C. Could Foucault have revolutionized Geography? / C. Raffestin // J. Crampton, S. Elden (Eds.) *Space, Knowledge and Power: Foucault and Geography*. Hamshire, Burlington: Ashgate, 2007. P. 130.

¹⁰ Foucault, M. Von anderen Räumen / M. Foucault // J. Dünne, S. Günzel (Hgs.) *Raumtheorie. Grundtexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften*. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 2006. S. 319.

¹¹ Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.* / Ф. Бродель. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1986–1992.

ства (истории и географии), которую можно выразить в следующих вопросах: почему в разных местах люди формируются и, соответственно, действуют по-разному? И почему изменить общество означает изменить пространство?

При этом среди всех мест Фуко интересуют те, которые вырывают нас из повседневности, вступая в противоречие с привычными и «нормальными» местами¹². Эти места Фуко делит на две категории: *утопии* – «места без реального места», «в высшей степени нереальные места», и *гетеротопии* – это «реальные, действительные, относящиеся к институциональной сфере общества места, которые являются в то же время контрместами, фактически осуществлёнными утопиями. Вместе с тем в них репрезентируются, ставятся под вопрос и превращаются в свою противоположность другие места, все другие реальные места, которые можно найти в культуре»¹³. В отличие от утопий, анализ гетеротопий (реально существующих «иных пространств») выполняет не только исследовательскую, но и социально-критическую функцию: он делает видимым маргинальное – скрытую (иную) сторону социальной действительности.

Понятие «гетеротопии» Фуко использует для определения мест и практик, способных поставить под вопрос устоявшиеся нормы повседневной жизни, или то, что называют «здоровым смыслом»: психиатрические клиники, тюрьмы, дома престарелых, кладбища, бордели, театры, фестивали и т. д. Занимая промежуточное положение между приватным (*oikos*) и публичным (*agora*) пространствами, они «всплывают как стратегии по возвращению мест инаковости [*places of otherness*] на внутренней стороне экономизированной “публичной жизни”»¹⁴. Они формируют особое – третье – пространство, предоставляющее место тем, у кого его нет либо в публичной, либо в приватной сфере.

Деятельность, характерную для гетеротопий, Ливен де Коте и Мишель Деэн сравнивают с *игрой*. С опорой на *Человека играющего* Йохана Хёйзинги они выделяют следующие черты этой деятельности:

«Игра – это свободное действие (1) вне повседневности; (2) без конкретного намерения или материальной цели; (3) разворачивающееся

¹² Foucault, *Von anderen Räumen*, op. cit., S. 320.

¹³ Ibid., S. 320.

¹⁴ Dehaene, M. *Heterotopia in a postcivil society* / M. Dehaene, L. de Cauter // Dehaene, de Cauter, op. cit., p. 4.

в специфическом времени и пространстве; (4) со своими правилами; (5) ассоциирующееся с неким клубом, специфическим сообществом и (6) является частично скрытым или замаскированным»¹⁵.

Пространство игры разрушает конвенциональный порядок общества, поддерживаемый силами повседневности. В нём рождается новая действительность. Фуко рассматривает «иные места» как то, что способно изменить нашу жизнь, сломать ставшие повседневностью нормы и представления. Именно в этих «других местах» и соответствующих им социально-пространственных отношениях и следует, по Фуко, искать источник социально-политических трансформаций, а также то «новое», что отличает современное общество от существовавших прежде. Названная *гетеротопологией*, эта исследовательская стратегия имеет особое значение для практической философии Фуко: путь к пониманию современности пролегает через анализ «иных пространств».

Для Фуко, как и для Канта, анализировать современность означает искать различие (*difference*) в истории, то есть искать ответ на вопрос: «что нового принёс сегодняшний день по сравнению со вчерашним?»¹⁶. При этом современность понимается не как некая историческая эпоха, а как «установка» («этос»), определённый способ действия и отношения к действительности. «Установку современности» Фуко анализирует исходя из конкретных исторических практик, уделяя особое внимание их социально-пространственному измерению. В своём тексте *Что такое Просвещение?* Фуко называет анализ современности – неотъемлемой частью которого, заметим, является гетеротопология – «критической онтологией нас самих», которая занимается: а) «историческим анализом поставленных нам границ» и б) «изучением возможностей их перехода»¹⁷. Другими словами, анализ современного общества – это исследование не только практик по установлению и укреплению социально-пространственных норм, но и, прежде всего, практик по их нарушению и преодолению.

Гетеротопология – это анализ и описание «иных пространств», мифических и реальных одновременно, без которых, согласно

¹⁵ Dehaene, M. *The space of play: Towards a general theory of heterotopia* / M. Dehaene, L. de Cauter // Dehaene, de Cauter, op. cit., p. 95.

¹⁶ Фуко, М. *Что такое Просвещение* / М. Фуко [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://lib.ru/culture/fuko/nachala.txt>. Дата доступа: 12.01.2010.

¹⁷ Там же.

Фуко, невозможны ни одно общество, ни одна культура. Описать то или иное общество с точки зрения практической философии означает обнаружить и проанализировать характерные для него гетеротопии.

Несмотря на разнообразие, все гетеротопии, по Фуко, можно разделить на два основных вида: (1) *кризисные гетеротопии* и (2) *гетеротопии отклонения*. Первые, по словам Фуко, характерны в большей степени для традиционных (домодерных) обществ и представляют собой места для людей в «пограничном» состоянии: утратив одну социальную позицию, они еще не заняли другую. Кризис, связанный с отсутствием признанной и стабильной социальной идентичности, преодолевается благодаря местам, в которых размываются четкие границы между нормальным и ненормальным, отклонением и признанием, видимым и невидимым¹⁸. Кризисными гетеротопиями являются, к примеру, кадетские корпуса и отели для новобрачных – пограничные территории, в которых индивиды переходят из одного статуса в другой.

В современном обществе, по замечанию Фуко, кризисные гетеротопии уступили место гетеротопиям отклонения – местам для людей и социальных групп, чье поведение не вполне соответствует устоявшимся в этом обществе нормам. Но в отличие от домодерных гетеротопий, в данном случае речь идет уже не о временном, а о постоянном несоответствии доминирующей социальной норме. Таким образом, гетеротопии отклонения – это уже не места перехода (от одной социальной позиции к другой), а места исключения. Примерами гетеротопий отклонения служат больницы, тюрьмы, бордели, кладбища, театры, галереи, фестивали и т. д. Даже если индивидуально человек способен вернуться к «нормальной» жизни общества, то социальная (девиантная) группа, к которой он принадлежит, будет исключена. Так, в современном обществе, как показывает Фуко, «процесс нормализации превращается не в устранение различия, а в возведение его в ранг отклонения»¹⁹.

Исследователь пространства из Гарварда, Марко Чензатти, называет «иные пространства» Мишеля Фуко *гетеротопиями различия* и сравнивает их с *пространствами репрезентаций* Анри Лefевра²⁰, т. е. с пространствами, формируемыми людьми, отно-

¹⁸ Cenzatti, M. *Heterotopien of difference* / M. Cenzatti // Dehaene, de Cauter, op. cit., p. 76.

¹⁹ Ibid., p. 77.

²⁰ Lefebvre, op. cit., p. 39.

шениями между ними, а также мифами, образами и символами, порождаемыми этими отношениями и способными реконфигурировать материальное (архитектуру, улицы, парки и т. д.). Проводя параллель между гетеротопиями Фуко и пространствами репрезентаций Лефевра, Чензатти, тем не менее, не склонен их отождествлять: гетеротопии – это особые пространства репрезентаций, отражающие скрытую маргинальную сторону социальной действительности²¹.

Фуко обнаруживает два типа отношений, определяющих связь гетеротопий с другими (реальными) пространствами: они (1) либо создают иллюзорное пространство, которое «срывает маску со всех реальных пространств» (примеры: бордели, карнавалы), (2) либо создают места с совершенным порядком, компенсируя тем самым несовершенство мира повседневности (примеры: больница, казарма)²². Первые Фуко называет *иллюзорными гетеротопиями*, вторые – *компенсаторными гетеротопиями*. Анализу последних он уделяет особое внимание: принципы организации таких компенсаторных гетеротопий, как больница или тюрьма, являются ключевыми для организации современного общества в целом, которое, как известно, Фуко называл *дисциплинарным*.

2.

Как замечает Энтони Гидденс, интерес Фуко к происхождению дисциплинарной власти является интересом к социальному распределению пространства и времени²³. Вопрос о связи пространства и дисциплины (власти) Фуко поднимает во многих своих работах, среди которых важную роль, на наш взгляд, играют его лекция «Включение больницы в современную технологию», прочитанная в 1974 г. в Рио-де-Жанейро, и получившая широкую известность книга *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы* (1975).

В лекции «Включение больницы в современную технологию» Фуко выстраивает своеобразный мост между своими ранними исследованиями политики здоровья в *Рождении клиники* (1963) и исследованиями пространственного измерения дисциплины и биовласти в работах середины 1970-х. Анализируя, как архитектура и местоположение больницы в городе становятся ключевыми

²¹ Cenzatti, op. cit., p. 80–82.

²² Foucault, *Von anderen Räumen*, op. cit., S. 326.

²³ Гидденс, Э. *Устройство общества: Очерк теории структуризации* / Э. Гидденс. М.: Академич. проект, 2005. С. 217.

механизмами в политике здоровья, Фуко приходит к выводу, что в конце XVIII века вопрос о больницах являлся, прежде всего, вопросом о пространстве²⁴.

Для прояснения причин возникновения современной больницы Фуко, будучи верным своему исследовательскому стилю, обращается к истории. На основании работы с историческими документами он делает заключение, что современная больница как медицинское заведение появилась сравнительно недавно – в конце XVIII в. Дело в том, что средневековая больница, будучи приютом для городской бедноты и как таковая институтом социального разделения и исключения, не являлась медицинским учреждением. В то время в больницу люди приходили умирать, а её персонал, состоявший большей частью из представителей церкви, призван был не столько лечить больного, сколько заботиться о спасении его души. Ситуация изменилась около 1760 г., когда в Европе началось обширное исследование больниц и госпиталей (Джоном Ховардом в Англии и Жаком Теноном во Франции). Целью исследования явилось создание программы трансформации больницы, которая позволила бы устранить её негативное влияние на общество: речь в первую очередь шла о распространении эпидемических болезней и незаконной реализации контрабандных товаров из колоний, нередко осуществлявшейся на территории больниц. Для ликвидации этих проблем как раз и потребовалась, согласно Фуко, медиализация больницы.

Создание программы реорганизации требовало тщательно исследования местоположения больниц, структуры зданий, а также характерных для этих мест действий и отношений. Особенность проводимых исследований, как замечает Фуко, заключалась в том, что сделанные Ховардом и Теноном наблюдения носили не просто описательный, а функциональный характер: они не только интересовались архитектурными особенностями зданий, количеством коек и больных, уровнем чистоты и смертности, но пытались выстроить связь между этими показателями. Иначе говоря, их интересовало, как месторасположение больницы и, соответственно, больных влияет на процесс выздоровления и общий порядок в городе. Так, например, Тенон обнаружил, что смертность при родах была выше, если палата для рожениц располагалась над палатой

²⁴ Foucault, M. *The Incorporation of the Hospital into Modern Technology* / M. Foucault // Crampton, Elden, op. cit., p. 147.

для раненных, а уровень смертности среди раненых возростал, если рядом находились больные лихорадкой²⁵.

Главным результатом проводимых Ховардом и Теноном исследований явилось открытие пространственного измерения власти – *власти места*. Стало очевидным, что для снижения негативного влияния больницы необходима технология, которая позволила бы реконфигурировать и контролировать её пространственно-временную организацию. Такой технологией, согласно Фуко, стала *дисциплина*. Благодаря ей, в конечном счёте, и появилось «терапевтически полезное пространство»²⁶. Будучи искусством пространственно-временного распределения индивидов, дисциплина позволяет осуществлять постоянный надзор за ними:

«Организуя “кельи”, “места” и “ранги”, дисциплина создаёт комплексные пространства: одновременно архитектурные, функциональные и иерархические. Пространства, которые обеспечивают фиксированные положения и перемещение. Они вырисовывают индивидуальные сегменты и устанавливают операционные связи. Они отводят места и определяют ценности. Они гарантируют повиновение индивидов, но также лучшую экономию времени и жестов. Смешанные пространства: реальные, поскольку они определяют расположение зданий, помещений, мебели, но также воображаемые, поскольку они проецируют на это устройство характеристики, оценки, иерархии»²⁷.

Путем огораживания, распределения, локализации и ранжирования тел в пространстве дисциплина создаёт новую констелляцию властных отношений, которая, по меткому замечанию Жюль Делёза, прежде чем подавлять, сначала порождает действительность²⁸: например, больницу как медицинское учреждение, в котором вся полнота власти принадлежит уже не священнику, а врачу. Внедрение дисциплинарных механизмов потребовало медикализации больницы и трансформации медицинского знания. Если прежде, согласно Фуко, медицина была *кризисной*, то в конце XVIII в. она стала *инвайронментальной (environmental)*: медицинское вмешательство уже не ограничивается прямым устранением патологии, оно начинает регулировать отношения больного с

²⁵ Foucault, M. *The Incorporation of the Hospital...*, p. 142.

²⁶ Фуко, М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы* / М. Фуко; перев. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. С. 211.

²⁷ Фуко, *Надзирать и наказывать*, указ. соч., с. 216.

²⁸ Делёз, указ. соч., с. 53.

окружающей средой (режим, питание, передвижения и т. д.), то есть его образ жизни²⁹.

Благодаря дисциплинарным манипуляциям со временем и пространством – путём (1) реорганизации и декомпозиции пространства больницы, (2) трансформации системы власти и (3) внедрения системы постоянной регистрации происходящего³⁰ – медицина становится одним из ключевых институтов современного общества, благодаря которому появилась возможность непосредственно управлять действиями индивидов, а также избежать «образования больших групп, которые могут стать источником формирования оппозиции или произвола»³¹.

3.

В своём анализе современных гетеротопий (больниц, тюрем) Фуко показывает динамичный характер отношений между властью, знанием и пространством. Гетеротопии служат своего рода лакмусовой бумагой, которая делает зримыми социальные изменения. Так, анализируя больничное пространство, он раскрывает (дисциплинарные) механизмы организации современного общества. Однако работа Фуко, на наш взгляд, не ограничивается одними лишь «разоблачениями»: описывая порядок больничного пространства, организованного посредством дисциплинарных технологий, Фуко при этом указывает и на возможности преодоления границ этого порядка. Делая зримыми дисциплинарные механизмы, он тем самым предлагает новую оптику и новые координаты для практического действия³². Измерение инаковости, открываемое любой гетеротопией, является тем источником свободы и изменений, который может служить отправной точкой для новых социально-политических программ и движений. Для Фуко свобода – это процесс, практика, направленная на социально-пространственные изменения. В своём интервью Полу Рабиноу для архитектурного журнала (1982) он говорит:

²⁹ Foucault, *The Incorporation of the Hospital into Modern Technology*, op. cit., p. 148.

³⁰ Внедрение системы перманентной регистрации происходящего создало благоприятные условия для аккумуляции и передачи медицинского знания, что сделало институт современной медицины более устойчивым. Подробнее см.: Foucault, *The Incorporation of the Hospital into Modern Technology*, op. cit., p. 151.

³¹ Гидденс, указ. соч., с. 218.

³² Делёз, указ. соч., с. 55.

«Я не думаю, что можно говорить, будто одна вещь [архитектурный проект] принадлежит порядку “освобождения”, а другая – порядку “угнетения”. Существует определённое количество вещей – что можно утверждать с определённой долей уверенности о концентрационном лагере, – которые в сущности не являются инструментом освобождения, но в то же время необходимо принимать во внимание – а это не признаётся повсеместно, – что, за исключением пыток и казни, которые исключают любое сопротивление, всегда остаются возможности для сопротивления, неповиновения и формирования оппозиционных групп (не важно, насколько ужасной могла бы быть существующая система) ... свобода – это практика».

И затем добавляет:

«Свобода человека никогда не обеспечивается институтами и правами, которые пытаются ему гарантировать. Поэтому практически все эти права и институты можно изменить...»³³.

Неслучайно, что исследования «иных пространств» (с их пограничными ситуациями и опытом бунта) сделали Фуко, а не неомарксиста Лефевра, автором, оказавшим наибольшее влияние на пионеров феминистской и постколониальной критики пространства³⁴. Если Анри Лефевр, анализируя пространство, делает акцент на исследовании ординарного (повседневного), то взгляд Фуко, наоборот, сосредоточен на экстраординарном, на том, что находится за гранью «своего», «привычного» и «нормального». В первом приближении эти подходы кажутся диаметрально противоположными друг другу, однако при более пристальном рассмотрении мы обнаруживаем их комплементарность, важную для различных исследований пространства – империй, городов, организаций и т. д.

На необходимость учёта «иногo пространства» указывают также французские исследователи Мишель Дезэн и Ливен де Коте, ставя под вопрос полноту и универсальность взгляда исследователей повседневности:

«...не остаётся ли дискурс о повседневности эстетизацией городской жизни и не является ли любая попытка “архитектуры повседневного”, или “повседневный урбанизм”, просто имитацией нормальности?»

³³ Цит. по: Crampton, Elden, *op. cit.*, p. 10.

³⁴ Soja, *op. cit.*, p. 149.

Или, другими словами, может ли сегодня повседневность выжить вне гетеротопии?»³⁵

Осознавая важность обеих перспектив, американский социальный географ Эдвард Соуджей попытался синтезировать подходы Фуко и Лефевра в своей концепции «третьего пространства»³⁶, получившей широкий резонанс в современных социальных и гуманитарных исследованиях.

Подход Фуко к пространству, безусловно, не является универсальным и требует существенных дополнений, о чём пишут многие исследователи пространства, среди которых такие авторитетные фигуры, как Дэвид Харви³⁷ и Найджел Трифт³⁸. Анализ гетеротопий Фуко сегодня нельзя назвать исчерпывающим ещё и потому, что в нём не учитывались медиализированные формы социально-пространственных отношений, играющие ключевую роль в современном обществе с его дистанционными браками, виртуальными офисами и университетами. Однако сам способ подхода и концептуализации пространственного измерения социального мира, предложенный Фуко, не утратил своей актуальности. Более того, тот импульс, который дала гетеротопология Фуко современным исследованиям пространства, позволяет надеяться, что практическая философия займёт в этом междисциплинарном дискурсе своё достойное место.

³⁵ Dehaene, *Heterotopia in a postcivil society*, op. cit., p. 4.

³⁶ Soja, op. cit.

³⁷ Подробнее см.: Harvey, D. *The Kantian Roots of Foucault's Dilemmas* / D. Harvey // Crampton, Elden, op. cit., p. 41–47.

³⁸ Подробнее см.: Thrift, N. *Overcome by Space: Reworking Foucault* / N. Thift // Crampton, Elden, op. cit., p. 53–58.